

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ПУБЛИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

.....

Н. В. Дёмина*

Сравнение практики защит диссертаций в России XIX – начала XX в. (до революции 1917 г.) с нашим временем интересно тем, что позволяет проследить за изменением ценностных представлений российского научного сообщества «от Ромула до наших дней». Диссертационный диспут – неотъемлемый, привычный ритуал науки, и в ходе него, как и в ходе любого научного ритуала, происходит, по мнению Т. Кашмэна, мощная публичная демонстрация приверженности определенным культурным идеалам [13, р. 175].

Диспут – технология западноевропейская. Процедура защиты магистерской и докторской диссертации была заимствована из опыта научной аттестации западноевропейских университетов, прежде всего немецких. Первым правовым документом, регулирующим его появление в России, был Устав Императорского Дерптского университета 1803 г.¹ [10, с. 124–186].

---

* Дёмина Наталия Валентиновна, научный сотрудник Сектора социологии знания Института социологии РАН, аспирант Государственного университета гуманитарных наук. Электронная почта: demina@msses.ru.

¹ Согласно Уставу в Дерптском университете сохранялось разделение на отделения, принятые в западных университетах: 1 – отделение философских и математических наук, 2 – естественных наук, 3 – филолого-исторических, 4 – технолого-экономический. Приведем выдержки из Устава: «Магистерское достоинство дается по предварительному строгому испытанию, произведенному от Отделения, и после публичного под председательством Промотора защищения диссертации, которую ищущий сего достоинства сочинил. Достоинством Докторским почтен бывает тот только, кто после нового со стороны Отделения строгого испытания будет читать в течение трех дней сряду о предмете, от Отделения ему назначенном, публичные лекции, и в торжественном собрании сверх того защитит диссертацию...» [10, с. 138–139]. «Следуя общему правилу, Магистерские и Докторские диспуты должны проходить на латинском языке; но Отделение, по причинам до учености принадлежащим, может дозволить оные и на Немецком зыке по прошению испытуемого» [10, с. 140]. «При всяческих публичных диспутах, после обыкновенных состязателей, между коими по крайней мере должен быть один Профессор Отделения, всякой из присутствующих может предлагать свои вопросы» [10, с. 141].

Он занимал традиционное место в российской системе научной аттестации до октября 1917 г., правда, как отмечает А. Иванов, «с неоднократными ограничениями и приостановками». Ритуал диспута складывался на протяжении всего XIX в., хотя основные его черты сложились еще в средневековых университетах Европы [4, с. 164, 172].

Общий объем защищенных диссертаций был невелик по сравнению со статистикой сегодняшнего дня. Общее количество университетских диссертаций (кроме медицинских) с 1805 по 1863 г. включительно составило 625, в том числе 160 докторских. На долю диссертаций по социогуманитарному профилю приходилось 60 % (30 % историко-филологических, 30 % юридических) [6, с. 143]. Общее количество университетских диссертаций (кроме медицинских), защищенных с 1864 по 1916 г. включительно, достигло 2266, в том числе 880 докторских. Их них 50 % диссертаций было написано социогуманитариями (30 % историко-филологических и 20 % юридических) [6, с. 150]. По совокупному числу защит лидировали социогуманитарные факультеты – около 53 % всех защит (историко-филологические – около 30 %, юридические – около 23 %), естественные факультеты – около 45 %.

Основополагающей правовой нормой диссертационного диспута была публичность. В правление Николая I с 1849 г. публичность диспута была ограничена из-за цензурных соображений, чтобы предупредить беспорядки при публичной защите диссертаций, предписывалось допускать на диспуты «только лиц известных университетскому начальству, и не иначе, как по билетам» [11, с. 242] (цит. по [4, с. 164]).

После смерти императора, в условиях идеологического «потепления» запреты на гласность публичного диспута были сняты и названы вынужденной и временной мерой. На защиты диссертаций в университеты вновь стали допускаться «все образованные люди, принимавшие участие в ходе отечественного просвещения» [11, с. 242] (цит. по [4, с. 164]). Положение 1864 г. об ученых степенях давало всем желающим возможность участвовать в диссертационных дебатах, что отвечало духу буржуазных реформ в сфере университетского образования [4, с. 165].

На рубеже XIX–XX вв. проблема диссертационного диспута стала темой острых дискуссий, развернувшихся в академической среде. Ее инициатор, известный казанский юрист, профессор Г.Ф. Шершневич, в 1897 г. издал полемическую брошюру, в которой предлагал отменить публичный диспут, заменив его коллективным решением всех факультетов данного профиля. Каждая юридическая диссертация должна была рассматриваться всеми юридическими факультетами российских университетов. Каждый факультет имел бы один голос, и решение бы принималось большинством голосов. Роль арбитра, рассматривающего письменные отзывы, можно было бы поручить либо Академии

наук, либо Министерству народного просвещения, либо Петербургскому университету [6, с. 150].

Г.Ф. Шершневич «убежденно утверждал: публичные защиты как элемент средневековья не приносят никакой пользы науке, являются тяжелым испытанием для начинающего ученого и даровым зрелищем, нередко веселым, для праздных зрителей, с одинаковым удовольствием наблюдающих бой атлетов в цирке и ученые диспуты в университете. Свою убежденность профессор аргументировал, во-первых, тем, что содержание диссертации и без диспута доступно всем желающим с ней ознакомиться через заведомую обязательную публикацию ее в виде самостоятельной книги, либо в журнальном варианте, во-вторых, возможностью ознакомить публику и с заключением факультета о диссертационном сочинении через предварительную публикацию его» [4, с. 167].

Бесплодность диспута ученый обосновывал также тем, что его исход предопределен, и решение факультета не может изменить даже идущие с ним вразрез мнения официальных оппонентов. По словам Г.Ф. Шершневича, оппоненты воспринимались как докучная помеха, предписанная ритуалом защиты. «В самом деле, что представляет собой диспут с внешней стороны? С одной стороны, вы видите взволнованного и расстроенного диспутанта, с трудом собирающего свои мысли, с другой – оппонентов, в лучшем случае скушающих от обязанности повторять публично то, что уже было высказано ими на факультете, в худшем поставивших себе задачей блеснуть перед публикой своим остроумием на счет беззащитного диспутанта... Известно, что ученые, и именно настоящие, серьезные, привыкшие критически относиться к собственным мыслям, отличаются застенчивостью, которая при публичном появлении может совершенно связать язык» [12, с. 23] (цит. по [4, с. 167]).

Выдающийся историк русского права, профессор Петербургского университета В.И. Сергеевич опубликовал статью с ответом на основные вызовы Г.Ф. Шершневича. Он признал справедливость некоторых критических замечаний, но в целом счел необходимым отклонить предложенную реформу системы научной аттестации. По его мнению, «центральное учреждение, которому была бы поручена процедура утверждения, превратилось бы в механическую инстанцию суммирования отдельных отзывов. В.И. Сергеевич полагал, что предлагаемое нововведение не улучшит наличную практику, а будет означать только лишение университетов их исконного права присуждать ученые степени». Автор статьи также высказался в защиту публичных диспутов, отметив их важную роль в ознакомлении общественности с актуальными проблемами науки и ее представителями. Стоит отметить, что полемика 1897 г. не повлекла за собой никаких изменений в системе научной аттестации [6, с. 151].

Однако пессимистичный взгляд Г.Ф. Шершневича на значимость диссертационного диспута нужно рассматривать в совокупности положительных

откликов о значимости этого ритуала. На протяжении XIX в. защиты диссертаций превратились в интереснейшее и заметное явление культурно-общественной жизни университетских городов. Некоторые дебаты проходили при большом стечении просвещенной публики. Для диспутов резервировали одну из самых больших аудиторий университета. Звучали аплодисменты, публика реагировала горячо, выражая поддержку той или иной стороне диссертационного диспута.

О дебатах в университетах охотно писали газеты, иногда публикации в СМИ инспирировались самим соискателем, чтобы заручиться поддержкой публики и защититься от оппонентов.

Главными действующими лицами защиты диссертации, как и сейчас, были две стороны: соискатель и его оппоненты, официальные и неофициальные. Все они в совокупности назывались диспутантами.

После представления диссертации факультет назначал рецензента, который подготавливал факультетский отзыв: подробный мотивированный разбор диссертационной работы, заключающийся выводом о признании ее достойной или недостойной искомой степени. Вопрос о допущении к публичной защите решался на закрытом заседании факультета простым большинством голосов [6, с. 146].

Состав диспутантов определялся на основе научных достоинств диссертации. Чем она была интереснее и значимее для науки, тем более авторитетные оппоненты стремились участвовать в диспуте.

Точный ответ на то, как формировался состав оппонентов, дается в исследованиях Г.Г. Кричевского. Отмечается, что официальные оппоненты назначались, как правило, из профессоров и преподавателей факультета. Реже оппонентами назначались представители другого факультета этого же университета. «Приглашать оппонентов из других университетов было не принято, поскольку акт возведения в ученую степень для каждого университета был делом сугубо автономным» [4, с. 173–174]. Г.Г. Кричевский также сделал вывод, что официальный оппонент не обязательно должен иметь ту же ученую степень, на которую претендовал соискатель.

Какие критерии: универсалистские или партикуляристские (объективные или субъективные, пристрастные или беспристрастные) преобладали на защитах диссертации того времени? По мнению Г.Г. Кричевского, «в целом, эта система обеспечивала объективную оценку качества диссертационного исследования, однако иногда наблюдались и отклонения от правила». Так, в 1886 г. физико-математический факультет Харьковского университета не допустил к защите докторскую диссертацию П.С. Костычева «Почвы Черноземной области России», хотя в том же году она была опубликована в Петербурге и оценена как выдающееся достижение отечественной науки [3, с. 24]. Следует заметить,

что диссертация, отклоненная на защите одним из университетов, могла быть представлена в любой другой университет России [6, с. 146].

Универсалистский характер защит обеспечивался не только принципиальными, по делу, без общих суждений, выступлениями официальных оппонентов, но и критикой широкого круга неофициальных (сторонних) оппонентов – от министра народного просвещения С.С. Уварова² до гимназиста VIII класса А.А. Шахматова³. Оппонентом мог выступать даже отец соискателя⁴. Количество неофициальных оппонентов не ограничивалось и иногда доходило до пяти человек. Состав оппонентов из публики не лимитировался ни с точки зрения образовательного уровня, ни с точки зрения профессиональных занятий [4, с. 176–177].

«Бывали случаи, – вспоминал академик И.А. Каблуков, – когда неофициальные оппоненты ставили своими возражениями диспутанта в более тяжелое и неприятное для него положение, чем официальные оппоненты. Мне рассказывали о случае, когда, принимая во внимание возражения неофициального оппонента, факультет признал защиту неудовлетворительной» ([5, с. 98–99] цит. по [4, с. 180]).

Студенты активно и страстно участвовали в диспуте, дожидаясь его как торжества, предварительно обсуждая аспекты защищаемой работы. Они создавали так называемый институт частных оппонентов [4, с. 177–180].

Стоит обратить внимание и на тот факт, что оппонентами, в том числе и официальными, могли быть научные руководители. Так, С.М. Соловьев оппонировал В.О. Ключевскому, В.И. Герье – Н.И. Карееву, В.О. Ключевский – П.Н. Милюкову. При этом нередко отношения между учителем и учеником ухудшались, потому что научные руководители избирали систему высмеивания, были придирчивы и беспристрастны. По мнению Милюкова, характер оппонирования В.О. Ключевского был партикуляристским, больше похож на «профанацию, рассчитанную на внешнее впечатление»⁵ [7, с. 130]. Из этого случая можно заключить, что внешняя беспристрастность, формальный универсализм защиты порой скрывали внутреннюю пристрастность, неформальный партикуляризм.

Самолюбие соискателей было не принято щадить, они нередко обижались на пристрастно-придирчивый тон ведения дискуссии. Правда, и они избирали

² Выступил на докторской защите М.С. Куторги «О коленях аттических» (Петербургский университет, 1838) [2, с. 5].

³ Выступил на защите магистерской диссертации А.И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» (Московский университет, 1882) [1, с. 16].

⁴ На докторской защите ботаника А.А. Фишера фон Вальдгейма выступил его отец А.Г. Фишер фон Вальдгейм [8, с. 1051].

⁵ П.Н. Милюков был так обижен на пристрастность В.О. Ключевского, что вопреки университетскому обычаю не пригласил своего научного руководителя на пирушку. «Это уж был форменный разрыв», – пишет он [7, с. 131].

такую же тональность диспута. По словам А.Е. Иванова, резкий характер дебатов был, скорее всего, ритуальным, нежели сущностным, практически всегда после язвительных нападок следовало положительное голосование коллегии профессоров факультета [4, с. 176].

Г.Г. Кричевский отмечает, что принципиальный характер защит подчеркивается хотя бы тем фактом, что в течение 34 лет во всех университетах России ученую степень доктора, минуя степень магистра, получили не более 30 диссертантов [6, с. 148].

Академик М.В. Нечкина в своей монографии о В.О. Ключевском пишет, что «защита протекала тогда иначе и гораздо интереснее, чем теперь. Диссертант не знал, что скажет оппонент, предварительное вручение письменного отзыва оппонента не практиковалось. Вся защита была импровизированным диалогом диссертанта и оппонента. Сначала, как и теперь, слово предоставлялось диссертанту. Произнося его, он не сходил с кафедры, ожидая выступления оппонента, который поднимался на другую кафедру и оглашал какое-либо свое возражение, выражал какое-либо сомнение или задавал вопрос диссертанту. Тот должен был незамедлительно и без подготовки отвечать ему. Восхвалять работу в начале выступления считалось для оппонента непристойным, обычай разрешал ему при желании сделать это лишь в конце выступления.

Живой диалог, разумеется, требовал от диссертанта находчивости, остроумия, быстрой мобилизации своей эрудиции, прекрасного общего знания предмета. Живая и трудная проверка диссертанта и его работы производилась публично, право выступить имел каждый присутствующий, а поскольку книга перед диспутом выходила в свет, то любой желающий мог и подготовиться к дискуссии, и принять в ней участие. Время дискуссии по обычаю не регламентировалось, и ученые споры в силу сложившейся еще в средние века традиции могли, теоретически говоря, идти хоть всю ночь напролет» [4, с. 180–182] (цит. по: [9, с. 166]).

С сожалением можно констатировать, что после революции 1917 г. многие академические традиции были утрачены, а большинство защит практически перестало быть поистине публичными диспутами. Защиты диссертаций уже не собирают большие аудитории – академическая наука не интересуется широкую публику. На диссертационные диспуты наших дней приходят некоторые члены диссертационного совета (присутствие председателя или его заместителя необходимо, остальные нередко присутствуют только на бумаге), один–два или три оппонента, сам соискатель и ученый секретарь. Кроме того, на защите присутствуют представители команды поддержки соискателя (родственники, друзья, коллеги) и редкие любопытные.

Разумеется, невысокий интерес как широкой, так и научной общественности к диспутам обусловлен тем, что наука стала слишком специализированна, научная речь насыщена терминами, подчас недоступными неспециалисту

в данной дисциплине. Телевидение, радио и Интернет предоставляют избыток информации по любой теме, а университеты перестали быть главными источниками злободневной информации и центрами притяжения интеллигенции. Однако, на наш взгляд, причиной публичного равнодушия к защите стала и потеря интриги – игры умов и научной дискуссии. Даже именитые ученые выбирают для своей защиты «удобные», наиболее бесконфликтные для них кафедры и институты – «от греха подальше». Закрытость некоторых защит диссертаций вызвана желанием соискателя и организаторов этого подчас околонучного «спектакля» скрыться от ненужных глаз и ушей.

Может быть, интерес общественности могло бы вернуть проведение наиболее интересных защит в Политехническом музее и Домах ученых, но вряд ли кто-то из соискателей возьмется проводить подобную PR-акцию. Осмелился бы хоть один современный ученый провести истинно публичную защиту с анонсом как в популярных, так и специализированных СМИ, с широкой рекламой своей монографии в преддверии диссертационного диспута? Российские истинно-, около- и псевдонаучные сообщества расколоты и разделены на враждующие или равнодушные друг к другу группы. Границы науки размыты, научные сообщества замкнуты и подчас не обладают возможностями или не расположены к широкой научной коммуникации. Стоит ли вылезать из своего научного «окопа» и выходить на поле открытого научного сражения? Псевдоученый не будет рисковать и подвергать свою репутацию возможности подлинно научной экспертизы и рецензирования равными, а настоящий ученый не пошел бы на это из других соображений: подобный диспут являлся бы лишь пустой тратой времени, мероприятием с неясным КПД.

Полагаем, что защита диссертации в настоящее время, в отличие от диспутов XIX – начала XX в., превращается в непубличный научный ритуал, который российские научные работники стремятся провести с наименьшими потерями энергии, денег и времени.

Из академической науки ушла публичность. Стоит ли горевать? Пожалуй, да. Публичность диссертационных диспутов дореволюционного времени была эффективным механизмом выполнения мертоновских постулатов этоса науки [14, р. 267–278] – универсализма – беспристрастного отношения к ученому (где основную роль играла не личность исследователя, а достигнутый им научный результат), всеобщности – научный результат становился достоянием общественности, организованного скептицизма – диспут являлся местом и временем рецензирования равными и открытой критики любого научного результата. Сейчас же защиты диссертации во все большей степени перестают быть инструментом отсеивания возможных ошибок, пробелов в социогуманитарных исследованиях. В состоянии ли российское научное сообщество предложить альтернативные действенные механизмы научной экспертизы вместо потерявшего былую силу и смысл диссертационного диспута?

Библиографический список

1. Алексей Александрович Шахматов. 1864–1920. Биографические материалы / С.А. Шахматова-Коплан. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
2. Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 246. Отд. 4.
3. Записки Харьковского университета. 1908. № 4.
4. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994.
5. *Каблуков И.А.* Как приобретали ученые степени в прошлое время // Социалистическая реконструкция и наука. 1935. № 8.
6. *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2.
7. *Милюков П.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2001.
8. Московские университетские известия. 1866–1867. № 10.
9. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М.: Наука, 1974.
10. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование Императора Александра I. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1875.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Отд. 2-е. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1876.
12. *Шершеневич Г.Ф.* О порядке приобретения ученых степеней. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1897.
13. *Cushman T.O.* Ritual and Conformity in Soviet Society // The Journal of Communist Studies. 1988. Vol. 4. № 2. P. 162–180.
14. *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W. Storer. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1973.